



УДК 913

DOI: 10.15393/j14.art.2018.119

Ермолаева Оксана Евгеньевна

Петрозаводский государственный университет

Институт истории, политических и социальных наук

Кафедра отечественной истории, Старший преподаватель

Доктор философии в истории (Европейский университет в Будапеште)

Приграничный социум мультиэтничной империи в исторической динамике: Карелия в XVII — начале XX века

Аннотация. В статье на фоне анализа современных англо-американских концепций имперского приграничья рассматриваются несколько отдельных сюжетов из истории Карелии, исследованных в рамках коллективного проекта под названием «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века». Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия «традиционного» сельского общества приграничного региона Российской империи и имперской государственной власти, влиянию на него последней в ходе всепроникающего вмешательства отдельных государственных реформирующих инициатив, а также перспективам их дальнейшего изучения в свете современной историографии и новейшей методологии. В центре внимания автора статьи находится внедрение института пашенных солдат на территории Заонежских погостов в конце XVII в. и его влияние на жизнь сельской общины, особенности вмешательства властей с XVIII века в крестьянское землепользование и его итоги, а также в хозяйственную, культурную и религиозную жизнь региона, и особенности его администрирования исходя из специфических, сформированных местным чиновничеством стереотипов. Автор приходит к выводу, что на протяжении веков основной целью «стратегической колонизации» имперского центра в отношении Карелии была защита границы и обеспечение лояльности населения, что обусловило особенности отношения к местному населению. Карельское крестьянство однородных и смешанных этнических категорий, религиозные общины традиционного толка, а также старообрядчество, очень долго сохраняло уникальную этническую идентичность и стабильность, несмотря на приграничное расположение и полиэтничность региона. В течение долгого времени оно успешно справлялось с вызовами извне: многочисленными приграничными войнами и модернизационной, вступавшей в противоречие с локальными традициями и устоями, силой государства. Автором статьи анализируются факторы, обусловившие экономические, социально-психологические особенности крестьянства региона.

Ключевые слова: Имперское приграничье; Карелия; коллективный проект, традиционное сельское общество; модернизация; государственное вмешательство; западная методология; историография; крестьянское землепользование; старообрядчество.



Общество имперских окраин и современные истории

Долгое время история континентальных империй, в отличие от империй морских, которые оказались активно включенными в пост-колониальные исследования, описывалась с точки зрения имперского центра. И только с недавнего времени «имперская история» имеет в своем распоряжении множество российских и зарубежных научных работ, посвященных конструированию границ и фронтиров, наряду с изучением феномена социума имперского приграничья в самых разных его ракурсах, с применением обновленных методологических схем. Приверженцы нового направления обогатили историографию рядом новых концепций и выработали оригинальные методологические подходы в духе постструктуралистских исследований.

Отметим геокультурный подход, предложенный А. Рибером [68], и возврат к забытому было культурно-ландшафтному подходу [63], и дискурсивный анализ соперничавших национальных проектов имперского приграничья [74], и масштабные международные коллективные проекты, посвященные изучению имперского приграничья с дифференцированной методологической перспективой [9].

В последнее время особую популярность применительно к проблеме государственности и государственной политики по отношению к населению приграничных территорий приобретает и тема биополитики в интерпретации М. Фуко [61; 55].

Понимание же собственно биополитики у различных исследователей существенно разнится. Если некоторые интерпретируют ее, в первую очередь, как часть процессов, происходивших в европейских государствах в период нового времени и направленных на оптимизацию качества и образа жизни населения на индивидуальном и коллективном уровне с целью достижения экономического роста [62] то другие трактуют ее как концепт управляющих структур, сфокусированных на «населении как на политической, биологической, и властной проблеме» в целом, конечной целью применения которого являлось создание оптимальной жизненной среды для населения и достижение безопасности существующего правящего режима [56: 11]. Таким образом, в историографическом поле осмысления исторических реальностей создается противопоставление между государственной властью (sovereignty) и биополитикой, которая в конечном итоге предстает чем-то экстерриториальным, не обусловленным геополитическим фактором [56: 11].

Что такое приграничная культура в понимании современной западной методологии? Ей присущи две основные черты. Во-первых, она интерпретируется как творческие процессы по генерации культурных практик [60]. Во вторых, имперское приграничье чаще всего концептуализируется как «столкновение цивилизаций». В течение длительного времени применялось понятие «shatter zone» в отношении приграничных территорий в Европе [9]. Первыми его стали использовать англоязычные исследователи, позднее оно было широко адаптировано из межвоенной немецкой литературы. Один из аналогов этого понятия — термин «crush zone», введенный Дж. Фэргрейвом в 1915 г. для обозначения «кордона» из маленьких государств между Российской и Германской империями [74: 334].

Соответственно, рассматриваемые как культурные практики, приграничные регионы интерпретируются не как территории с четкими границами, а как объекты дискурсов [75; 76]. Будучи продуктом политического воображения и нередко идеологических фантазий, они становятся основанием для разного рода политических, военных и экономических проектов, которые претворяют в жизнь государства и политические партии, социальные движения и националисты, предприниматели и колонизаторы, интеллектуалы и идеологи, местные элиты и зарубежные силы влияния. Проблемы изменчивости приграничной идентичности, равно как и ее зависимости от политики, изучаются уже давно [60; 70].



В северо-западном российском приграничье особую важность в данном контексте приобретает изучение национального сознания и националистических течений [27]. По мнению некоторых исследователей, именно в приграничных территориях Российской империи вели свою подрывную деятельность революционеры, и именно эти регионы закономерно становились эпицентрами разрушения империй [68].

На этом фоне особую актуальность приобретает вопрос, какие же факторы повлияли на всплески национальной активности в приграничных регионах? Только ли степень «готовности» и вовлеченности национальных элит должна быть проанализирована? Можно ли проследить связь между миграцией населения — естественной и вынужденной — и всплесками национальной активности? При ответе на эти вопросы, как и при определении коллективной идентичности населения приграничной территории относительно имперского центра в исторической динамике в целом, особенно важно дискурсивное понятие социального статуса. Различные социальные группы одного и того же этноса, проживавшие на одной и той же территории, совершенно по-разному относились к проблеме собственной национальной идентичности.

В работах теоретического характера эта проблема уже не раз затрагивалась [55]. Однако основным недостатком большинства исследований является то, что они основаны на источниках, не отражающих, либо крайне слабо отражающих динамику взаимоотношений между подавляющей массой населения имперского приграничья (которое, преимущественно, представляло собой сельское население) и власть предержащих. В большинстве работ в центре внимания находятся исключительно региональные элиты, их взаимоотношения и конструирование «элитарной» идентичности [74].

В рамках нашего внимания к обозначенной теме представляется особенно перспективным изучение сельского общества имперского приграничья в динамике изменений, происходивших в нем в ходе модернизации. Автор данной статьи ставит перед собой следующие цели: на основании анализа нескольких отдельных сюжетов, изученной группой исследователей Петрозаводского государственного университета в рамках коллективного проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтническом приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века», проанализировать механизмы взаимодействия «традиционного» общества приграничного региона Российской империи и имперской государственной власти, влияние на него последней в ходе всепроникающего вмешательства отдельных государственных реформирующих инициатив, а также обозначить перспективы их дальнейшего изучения в свете новейшей методологии.

Во-первых, в центре внимания автора данной статьи находится мероприятие по организации защиты северо-западной границы с целью отвоения в ближайшем будущем территорий, утраченных по Столбовскому мирному договору — внедрение института пашенных солдат в Олонецком уезде, а также методы взаимодействия представителей государственной власти и сельской общины во время его функционирования, исследованные Дарьей Брусничиной и Евгенией Сусловой.

Во-вторых, это особенности вмешательства властей в крестьянское землепользование с XVII по начало XX века на территории Карелии и его результаты, изучаемые Ириной Черняковой. В-третьих, это регулирующее вмешательство в хозяйственную, культурную и религиозную жизнь традиционного общества региона и его последствия на примере попыток внедрения новых способов солеварения, затронутых Анной Кликачевой и практики искоренения старообрядчества, проанализированной Натальей Кузнецовой.



И, наконец, в статье освещаются особенности бюрократического управления краем в XIX веке, специфика отношения чиновников к местному населению и ее влияние на экономику региона, раскрытые Викторией Ефимовой. Таким образом, исследуются важные аспекты военно-мобилизационной, экономической и культурной политики имперского центра в отношении Карелии как мультиэтничного приграничья.

Несмотря на то, что карельское крестьянство и его взаимодействие с государственной властью на протяжении долгого времени изучалось в академических центрах, также как местными краеведами и финскими историками, в том числе и с учетом достижений современной методологии [21], сюжеты, затронутые в данной статье, до сих пор не анализировались в совокупности и достаточно глубоко [23].

В проекте, и, соответственно, в данной статье рассматриваются события и процессы, происходившие в XVII — начале XX века, важные для понимания специфики взаимодействия центральной государственной власти и карельского традиционного общества в период активной колонизации региона.

На протяжении веков Карелия существовала в рамках менявшегося административного подчинения (уезд-провинция-область-наместничество-уезды-губерния) с центром до 1782 г. в Олонце, затем в Петрозаводске [53].

Большая часть территории современной Карелии входила до 1920 г. в состав Олонецкой губернии. С середины XIX века в этнографическом отношении население губернии четко делилось на русское и финско-карельское [14; 36]. Однако основная масса населения Олонецкой губернии и на конец XVIII и на конец XIX века была русской по своему составу. Некоторые исследователи приводят данные, что в конце XVIII в. (по данным V ревизии 1795 г.) в Олонецкой губернии удельный вес карелов составил приблизительно 18 % [22: 231]. Согласно переписи 1897 г. вес собственно карельского населения в Олонецкой губернии был аналогично небольшим [34: 103]. Однако согласно последним данным, приводимым историками, работавшими с материалами ревизий, точно ответить на вопрос об этнической принадлежности практически невозможно: даже в ходе проведения вышеуказанной переписи в конце XIX века вопрос о национальности вообще не ставился. Единственным признаком, дающим основания для наблюдений в этой части демографических оценок, может служить признание опрошенными того или иного языка родным [53]. В целом территории расселения собственно карелов на Северо-Западе России относились к двум губерниям — Олонецкой и Архангельской.

Современная финляндская восточная граница на отдельных ее участках является одной из самых старых из ныне существующих государственных границ в Европе. Она была основана еще на рубеже XVI—XVII веков и служила тогда границей между Шведским государством и Московским /Российским царством [28: 104; 19]. В начале своего существования эта граница была легко преодолима [30: 11]. Впоследствии она оставалась практически неохраняемой (как уточнила недавно Анна Кликачева — до 1785/1786 г.) и представляла собой довольно неопределенную пограничную зону.

Карелия вписывается в понятие «транзитного приграничного региона» — где приграничный этнос выражает сходные черты и духовное родство с национальной группой по ту сторону границы и, таким образом, приграничная идентичность может быть крайне затруднена [74: 8]. С точки зрения современных авторов, из-за своей географической маргинальности подобные регионы являются местами, где создаются противоречивые национальные мифы, нарративы и идентичности, провоцирующие масштабные этнические конфликты [74: 8].



Что же в данном контексте понимается под «традиционным обществом», к которому вплоть до начала XX в. принадлежала подавляющая часть населения Карелии? В первую очередь, это общество, регулируемое традицией и не совершившее еще переход к модернизации [31]. Во-вторых, это крестьянство однородных и смешанных этнических категорий, религиозные общины ортодоксального толка, а также старообрядчество.

Религиозная мультикультурность наложила огромный отпечаток на историю региона. Помимо традиционного православия и старообрядчества различных типов, во времена шведского владычества в Приладожской Карелии были образованы лютеранские приходы, сохранявшиеся в течение долгого времени. В XVIII веке на территории Кексгольмского уезда Выборгской губернии располагались 15 лютеранских приходов. На территории Олонецкого наместничества (затем — губернии) в конце XVIII — 1-й четверти XIX века необычайного влияния достигло старообрядчество. И несмотря на начатые на него с 1830-х гг. гонения вплоть до конца XIX века традиционная культура карелов испытывала огромное влияние старообрядчества.

До конца XIX века никакого «карельского вопроса» в Российской империи не существовало, а российские карелы считались одним из самых беспроblemных ее народов. Вопрос о формировании собственно сознательной карельской идентичности на фоне соперничающих национальных проектов (финляндского и российского) можно адресовать по отношению к периоду не ранее конца XIX века [8: 116].

Уникальность Карелии как приграничья также связана с тем, что она в течение долгого времени являлась и до сих пор остается объектом ностальгии со стороны соседнего государства — Финляндии. Мифическая древняя Карелия с ее рунами, начиная с «Калевалы» (основная часть рун эпоса была собрана на территории Карелии), считалась очагом зарождения собственно финской национальной культуры. Уже к концу XIX века сформировалось явление, получившее в литературе название «культурный карелианизм» [8: 115]. В финляндской историографии можно выделить существенный пласт литературы «ностальгически-мифотворческого направления», посвященный Карелии, который регулярно обновляется и пополняется работами исторического, этнографического и культурологического характера [66: 145—159].

Государственная имперская колонизация и традиционное общество: первые эксперименты и их последствия

На протяжении веков российские карелы почти поголовно были государственными крестьянами с общинным владением землей. Хотя с XVIII века элементы самоуправления общины постепенно ограничивались, радикального слома жизненных устоев традиционного общества в результате этих мер не произошло вплоть до начала XX века.

Особую роль в северо-западном регионе играл церковный приход. Приходская община являлась одновременно поземельной и самостоятельно возводила храм и заботилась о его благолепии, выбирала и смещала членов церковного причта, распоряжалась церковной казной. Именно вокруг приходской церкви была сосредоточена духовная и хозяйственная жизнь традиционного локального сообщества, составлявшего приходскую общину, и клира, стоявшего во главе ее [41: 348].

Вторая половина XVII века — время церковных соборов 1667, 1675 и 1682 гг. — была эпохой церковных реформ, усиления церковной власти на местах. Деятельность церковной иерархии по установлению более строгого контроля за духовной жизнью края была направлена на пресечение шедших из глубины времен традиций земского самоуправления и проявлялась, в первую очередь, во введении должности поповских старост, ограничении прав общины



избирать причт и распоряжаться церковной казной, запрещении священнослужителям удостоверить мирские грамоты [43: 6, 21—23 ; 44: 53, 57].

В XVII веке клирики и причетники, происходившие из семей местных крестьян и родственников церковного причта, активно вовлекались в мирские дела. Они не только по просьбам прихожан удостоверяли документы, выступали «послухами» при заключении разных актов, но и занимали выборные должности земских дьячков. В Заонежских и Лопских погостах складывалась прослойка людей, специализировавшихся на мирском управлении. Их связывали тесные родственные связи. Ключевые должности в приходе и в волостном управлении нередко занимали представители семей священнослужителей. Как установила Е. Д. Суслова на основе изучения уникальных документов фонда «Олонецкой воеводской избы», они избирались на выборные церковные и земские должности, так как были грамотными людьми, привлекались к составлению мирских бумаг, проверке финансовой отчетности. Они отличались уровнем благосостояния — участвовали в торговых операциях на уровне волости или погоста, нередко выступали кредиторами общины. Опираясь на родство, выручали и поддерживали друг друга, и в конечном счете стояли во главе общины, успешно справляясь с вызовами времени на фоне увеличивавшегося вмешательства государства в ее жизнь [41: 348].

Из геополитических соображений уже во второй половине XVII века в ходе военно-административных реформ произошло утверждение власти воеводы во вновь образованном Олонецком уезде, направленное на ограничение традиций местного самоуправления.

Когда же началось активное вмешательство государства в жизнь традиционного карельского социума? Это произошло гораздо раньше имперского периода и имело специфический характер, свойственный приграничному региону. Одной из важнейших сфер в этом отношении была сфера военной мобилизации и защиты приграничных территорий от агрессии соседних стран в условиях нужд растущего государства.

В 1649 году в Заонежских и Лопских погостах была проведена военная реформа: с целью укрепления обороноспособности приграничного региона и охраны русско-шведской границы все государственные крестьяне и бобыли были записаны в так называемые пашенные солдаты.

Авторы трудов по истории Русского Севера и Карелии, а также по военной истории России, определенное внимание уделяли этому сюжету и ранее. Благодаря их исследованиям стало известно немало фактов [5]. Вместе с тем, применение компьютерных технологий [6], микроисторического подхода и опора на значительный массив архивных документов позволили Д. Брусницыной выйти на иной уровень осмысления данной военной реформы и ее влияния на традиционную жизнь местного крестьянского сообщества. Собрав по крупицам сведения об отдельных пашенных солдатах и их родственниках, данный автор выявила как в условиях внедрения строгой регламентации их жизни государством в период солдатской службы они действовали, чтобы выживать и защищать собственные интересы [2; 3; 5].

В солдатском статусе местные жители прожили восемнадцать лет, до отмены службы в 1666 г. Они обучались военному делу по западноевропейским образцам офицерами, приглашенными из-за рубежа, но при этом, в отличие от военнослужащих других полков нового строя, не получали за службу жалованья. На протяжении первых нескольких лет их единственным вознаграждением являлось освобождение от тягла [2: 32].

Несмотря на изначально данное обещание использовать эти полки только для пограничной службы, пашенные солдаты были привлечены к участию в боевых действиях в ходе русско-польской и русско-шведской войн (1654—1667 гг., 1656—1658 гг.) [4: 48]. При этом прави-



тельство стремилось представить введение солдатской службы на русско-шведской границе как инициативу местных крестьян. Аналогичная реформа проводилась в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда в рамках единого мероприятия по укреплению обороноспособности северо-западной границы России [4: 51].

К концу 1649 г. в солдаты было записано 10000 человек, что значительно превысило запланированные 6000. Среди иноземцев, отправленных для обучения крестьян военному делу, было всего два полковника, и вообще очевидно малое количество начальных людей — всего 104 человека. При этом, несмотря на жалобы иноземных полковников на недостаточную численность урядников, все солдаты распределялись по двум полкам [4: 54]. Как демонстрируют последующие переписи, уже на четвертый год участия полков пашенных солдат в боевых действиях русско-польской и русско-шведской войн, более двух тысяч погибли и умерли от ран и болезней, огромное количество вернулось в родные погосты инвалидами [7: 103].

Какова же была реакция местного населения? Переписка олонецких воевод с центром в годы русско-шведской войны 1656—1658 гг. наполнена их повторяющимися жалобами на непослушание солдат, на их нежелание служить и отказ явиться в Олонец для участия в обороне от «немецких воинских людей», и тем более для отправки воевать за пределы уезда. Те же солдаты, которые все-таки отправились вместе с воеводой под Корелу, вскоре, по его словам, разбежались, унеся с собой полученные мушкеты [5]. Таким образом, малолюдство, невозможность уберечь город и уезд от шведов местными силами, скудные запасы хлеба и оружия послужили причиной тому, что первый мобилизационный эксперимент можно считать провалившимся.

Тем не менее, он имел масштабные последствия для жизни крестьянской общины. Появление в крае иностранцев, «учительных людей», оказало значимое влияние на жизнь населения [45: 111]. Характеризуя взаимоотношения местного населения и иностранцев, исследователи в основном касаются проблемы конфессиональных различий. Они установили, что крестьянская община очень плохо относилась к иноземцам, которым вынуждена была предоставлять дворы для постоя и от которых терпела многочисленные притеснения [38]. Чтобы сгладить противоречия, некоторые офицеры меняли свои имена на русские, принимали православие [3: 170—185].

Исследователи доказали, что появление иноземцев-чужаков, даже крещеных в православие, осложняло и без того непростые взаимоотношения клириков и прихожан ввиду предпринятых правительством в Олонецком уезде административной и военной реформ. Чтобы избежать прибора в полки пашенных солдат и не попасть на театр военных действий в ходе войн с Речью Посполитой и Швецией, сыновья священников и церковные причетники, а также некоторые зажиточные крестьяне стремились получить священнический сан [40: 54—59, 63, 72—74].

Отдельный сюжет в контексте социальных экспериментов центральной власти в Карелии, важное явление вмешательства в традиционную жизнь региона, представляет собой назначение воевод для укрепления административной власти в приграничном регионе.

Крестьянские челобитные свидетельствуют, что отношения с русскими офицерами, появившимися в уезде после 1654 г., были вряд ли более безоблачны. Наоборот, не только воеводы, но и русские военные младшего командного состава — поручики занимались тяжкими злоупотреблениями, вымогательствами не только у крестьян, но и у священнослужителей [45: 109]. Злоупотребления «воевод-лихоимцев» приводило к запустению деревень, особенно опасному из-за близости границы со Швецией [47: 106].



В результате ломки традиционной властной иерархии, произошедшей в ходе вышеупомянутых военно-мобилизационных экспериментов, значительно возросла роль священника, главы православного карельского прихода, который служил арбитром в разнообразных бытовых и служебных конфликтах, возникавших между прихожанами, записанными на службу в пашенные солдаты, и «начальными людьми». С одной стороны, представители приходов, в которых сохранялась тесная связь между священником и крестьянами, активно отстаивали свои интересы. С другой стороны, появление иноземных офицеров, иных по конфессиональной принадлежности и менталитету, нередко приводило к расколу внутри общины [45: 109]. Как отмечает Д. Брусницына, само по себе подчинение иноверцам считалось в среде русских крестьян недостойным и унижительным [4: 63].

Хотя крестьянская община в Карелии не была безмолвна перед лицом облеченных властью и чувствовавшими себя хозяевами положения чужаков, проявления ее протеста не стали масштабными или бурными. Опираясь на авторитет своих приходских священников, которых они сами избирали и обеспечивали пропитанием, крестьяне избирали достаточно цивилизованные способы защиты своих интересов в виде челобитных [42: 118]. С 1658 г. в Олонецком уезде начались расследования злоупотреблений должностных лиц специально прибывшим для этого дворянином Сергеем Малово.

Особый интерес в данном контексте приобретают случаи разногласий между отдельными группами крестьян, а также разнообразные слухи, подрывавшие авторитет клириков среди прихожан, в частности, обвинения их в тесном общении с иноземцами, спекуляциях и продаже оружия.

Взаимоотношения местного населения с чужеродными группами и впоследствии демонстрируют отсутствие коллективной агрессии по отношению к ним, даже в случаях, когда эти группы демонстративно дистанцировались от населения. Самый яркий пример представляют собой алгоритмы взаимоотношений с некоторыми группами ссыльных в XIX веке. К примеру, с польскими католическими священниками, проживавшими на поселении в Олонецкой губернии [1: 25].

Рассматриваемая как созидаящая сила региональной истории, власть государства была полиморфной. Она создавала множество новых ниш и контактов, ломая традиционную социальную иерархию приграничных регионов и формируя новые элиты. В современных исследованиях подчеркивается, что индивидуальные и коллективные идентичности традиционного общества постоянно изменялись в ходе постоянно открываемых властью новых возможностей [75: 33]. Применительно к карельской крестьянской общине Евгения Суслова подчеркивает, что стремясь использовать открывавшиеся перед ними возможности продвижения по социальной лестнице, многие сыновья священников нанимались на подьяческие должности в образованную в 1649 г. в Олонце воеводскую съезжую избу, брались за выполнение курьерских служб и поручений. Это вряд ли могло остаться незамеченным для остальных прихожан [40: 54—59, 63, 72—74].

Начиная с XVIII в., на фоне вызовов Нового времени: модернизации, секуляризации системы управления, трансформации центральных и региональных элит, военно-мобилизационные меры приобрели широкомасштабный характер. Это и «Осударева дорога», — беспрецедентная военно-инженерная операция на территории Карелии, стратегический марш-маневр, открывший через взятие Нотебурга путь на Балтику, и учрежденный в конце XVIII века в ходе войны со Швецией Олонецкий егерский батальон, и 20-й егерский (впоследствии 103-й Петрозаводский) полк, сформированный в 1803 г. в Олонце.



Построенные при Петре I Олонецкие горные заводы (Петровский, Повенецкий, Алексеевский, Кончезерский), сыгравшие во время Северной войны 1700—1721 гг. важную роль в обеспечении русской армии и флота пушками, ружьями и другим снаряжением, значительно изменили уклад жизни местного населения. Их учреждение повлекло за собой востребованность населения в новых сферах учреждения труда, приобретение им новых профессиональных навыков, освобождение от рутины и сезонной зависимости крестьянской жизни [45].

Помимо военно-мобилизационных мероприятий, с XVII века ходе государственной колонизации края началось активное вмешательство в экономическую сферу жизнедеятельности традиционного сельского общества. С древних времен Карелия была краем, где имело место крестьянское освоение природных богатств, а уже затем государство налагало руку в сфере фиска и управления, узаконивая одновременно методы и территории крестьянской колонизации.

Несмотря на суровые климатические условия, обилие водных водоемов, и чрезвычайно невысокое плодородие почв, накопленный с древних времен опыт использования природных ресурсов и зарекомендовавшие себя как абсолютно рациональные в зоне так называемого неуверенного земледелия методы ведения хозяйства (в первую очередь, подсечное земледелие) веками обеспечивали воспроизводство населения и делали возможным его экономическое самообеспечение [49: 70].

Тем не менее, в донесениях местных чиновников XIX века, заметках местных учителей и священников регулярно встречались упоминания о катастрофической бедности местного населения. На нее же обращали внимание и все путешественники в начале XX века. Как могла достигнуть край, обеспеченный природными ресурсами, населенный отличавшимся трудолюбием, природной сметкой, столетиями наработанными хозяйственными, промысловыми, ремесленными навыками, а также (как многократно было подчеркнуто современниками) чувством собственного достоинства народом, столь невероятная бедность? В первую очередь, — полагает поставившая данный вопрос Ирина Чернякова — она была следствием вмешательства государства в традиционный уклад крестьянской жизни, сложившийся и оправдавший себя в местных условиях на протяжении веков, а именно, запрет и дальнейшая ликвидация подсечного земледелия [48: 20—82].

Как демонстрирует И. Чернякова, государственная экономическая политика была основана на умозрительном представлении заезжих чиновников о катастрофических последствиях подсек. Началось все с того, что перераспределение лесов на казенные и прочие в конце XVIII века разрушило древний порядок. С XVIII века свободное обращение с землей запрещается правительственными указами. Фиксированный надел, разрабатывавшийся каждым крестьянским локальным сообществом, который был узаконен Генеральным межеванием в самом конце XVIII века, позволялось увеличивать только за счет составлявших своего рода общинный резерв земельных угодий, по той или иной причине запустевших. Детально система землепользования, установленная государством для крестьян на территории Карелии, показана И. Черняковой на примере Водлозерья [50: 32—35]. Хотя официально разработка подсеки была запрещена государством, подсечное земледелие продолжало существовать [50: 32].

Тем не менее, традиция местного крестьянства обеспечивать пропитание семей зерновым хлебом и корнеплодами посредством использования высоко урожайных пашенных участков на подсеках оказалась подорванной, а потом и вовсе сведенной на нет рядом запретительных правительственных указов, начиная с последних десятилетий XVIII века. Основным мотивом являлось утверждение, что подсечное земледелие ведет к истреблению лесов. То обстоятельство, что объективные требования к участкам, пригодным для подсек, сами по себе исключали опасность истребления настоящего леса, вообще не было принято в расчет [48: 77—79].



Административная политика запретов в сфере лесопользования не только привела к значительному сокращению традиционного подсечного земледелия, но и к изживанию прибыльных крестьянских предприятий (добыча смолы, торговля дровами). В результате карельская крестьянская семья в значительной степени лишилась возможностей самообеспечения.

Тем не менее, политика в отношении подсечного земледелия была подчас противоречивой. В. Ефимова подчеркивает, что следует иметь в виду, что в начале 1820-х гг. архангельским, вологодским и олонецким генерал-губернатором А.Ф. Клокачевым в ходе отстаивания права крестьянами его региона иметь положенный по закону надел на муж. душу (15-десятин), было разрешено в его пополнение олонецким крестьянам делать в их дачах расчистки «из лесов неважных, годных однако для строения крестьянского». Право это формально действовало до 1826 г., затем было ограничено разрешением использовать лишь старые заросшие расчистки. Но на это узаконение не обратила даже внимания Олонецкая казенная палата, поэтому в 1836 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин уже специальным циркуляром вменил ей в обязанность исполнить его. Однако это никогда не останавливало крестьян [16: 74—79]. Характерно, что как и в случае с институтом пашенных солдат, в процессе ликвидации подсечного земледелия случаи масштабных протестов или возмущений населения отмечены не были.

Это связано было в первую очередь с тем, что крестьяне просто игнорировали запрещения, зафиксированные павловскими указами. Впоследствии это право им было все-таки предоставлено в ограниченных пределах [17: 72—82].

Другие инициативы чиновников, плачевно отразившиеся на повседневной жизни карелов, заключались в чрезвычайно высокой стоимости лицензий на смолокурение и добычу дров для продажи, ограничениях в выдаче паспортов для ведения торговли в Финляндии. Налицо была и очевидная незаинтересованность государства в решении важнейших для местного населения проблем: доставка корреспонденции, безволожитное судопроизводство, адекватная оплата труда на обязательных поставках болотной руды на местные железоделательные заводы [49: 72]. Специфическим было и вмешательство чиновников в традиционный местный промысел — солеварение. Целью этого вмешательства была не рационализация процесса добычи соли, а извлечение максимальной прибыли без учета местной специфики этого промысла [23: 56—58].

Особо следует выделить практику запретов строительства дорог в регионе, которые могли бы сделать вклад в процветание транзитной и местной торговли, особенно ведущих за рубеж [23: 57]. Как отмечал в своем манускрипте с описанием Олонецкой губернии конца XVIII века советник Олонецкого наместнического правления Вильгельм фон Тизенгаузен, даже несмотря на бурное развитие объектов военной промышленности, к концу XVIII в., дороги, вместо того, чтобы развиваться, запустели, сеть коммуникаций в северо-западном российском приграничье приходила постепенно в упадок и уже к концу XIX века многие из ранее значительных путей сообщения не только стали малопригодными для тележного использования, но даже заросли кустарником. Эти дороги могли бы значительно способствовать развитию торговли со Швецией [53: 42—44].

Особенно разителен контраст был на фоне хорошей дорожной сети финляндской Карелии. Бездорожье усиливалось именно в пограничных с Финляндией районах [8: 127]. Причина этого бездорожья крылась не столько в недалековидности чиновников, сколько в стратегических соображениях безопасности, которые преобладали и приняли крайние формы в XX веке, во время существования СССР [61: 70].

В результате, некогда процветавшая и локально в силу специфики ландшафтов высокообитаемая территория превратилась в регион, который в советской историографии было принято



приводить в пример как образчик полного бездорожья и «край непуганых птиц», пригодный разве что для ссылки политически неблагонадежных лиц.

Итак, что представляла из себя Олонецкая губерния к XIX века? Если взглянуть на карту Российской империи 1-й половины XIX века, то можно убедиться, что несмотря на свое приграничное положение, Олонецкая губерния, с юга гранича с Санкт-Петербургской губернией, была недалеко расположена от центра. Тем не менее, в 1842 г. эта губерния была окончательно и бесповоротно отнесена к «отдаленным и малонаселенным краям империи» [14: 33].

Более того, проблемы управления губернией, описываемые Олонецкой губернской администрацией, разительно напоминали проблемы администрирования отдаленных северных и восточных регионов Российской империи: крайне неблагоприятные климатические условия, малонаселенность, транспортные проблемы. В связи с этим администрация испытывала серьезные кадровые проблемы. Из работ Виктории Ефимовой, посвященным местной бюрократии XIX века и особенностям управления регионом очевидно, что мало кто из представителей российского чиновничества был готов по собственной воле ехать в этот забытый Богом край. Как сообщал в 1840 г. в своем представлении министру внутренних дел губернатор Х. Х. Повало-Швейковский, в губернию «только и приезжали из одной Сибири достойные чиновники...при этом, отслужив положенный по закону срок (3 года), чиновники, имеющие состояние, «ищут случаев оставить губернию, ибо служа в Астрахани и Сибири, я и там не встречал такой дороговизны и столько неудобств к жизни, какие нашел здесь» [14: 33]. Вышеуказанные проблемы усугублялись постоянными склоками в рядах высшего управления и чиновничества Олонецкой губернии [11: 30—38]. Как писал олонецкий губернатор Лачинов, присутственные места Олонецкой губернии наполнены «безнравственными» чиновниками [16: 102—109]. Именно местная чиновничья администрация и была инициатором представления о Карелии как об экономически отсталом захолустье с суровым климатом.

Особенно драматичным казалось экономическое положение российской Карелии на фоне контраста с быстро развивающейся, благополучной финляндской Карелией. До XVIII века экономическая ситуация по обе стороны границы была схожей [8: 116].

Вмешательство государства в уклад традиционного общества в Карелии особенно ярко проявилось в культурно-религиозном плане, и в первую очередь заключалось в постепенном вытеснении старообрядчества. Масштабы распространения старообрядчества в Олонецкой губернии были внушительны. По некоторым подсчетам только за 10 лет — с 1815 по 1825 г. — число старообрядцев здесь увеличилось на 1/3 и составило 8764 человек, а это означало, что каждый 20-й житель губернии, а в Повенецком уезде — каждый 5-й, был старообрядцем. При этом по данным за 1836 г. карелы составляли 26. 2 % жителей губернии, а в Повенецком уезде — около 65 % [37: 15—16, 82-85, 93, 103, 139].

Старообрядческие общины не только оказывали влияние и задавали тон местному населению по целому ряду вопросов: морально- нравственным, социальным, но и оказывали мощное влияние на развитие экономики края. Местное старообрядчество было глубоко полиэтничным. Оно отличалось смешанным составом и состояло из представителей как русского, так и финно-угорского этносов. Близость Санкт-Петербурга и кредитная практика старообрядческих общин долгие годы обеспечивали устойчивость старообрядческого бизнеса в Кемь. Долгие годы скиты обеспечивали местных крестьян заработком, кредитовали коммерческие сделки, минимизировали транзакционные издержки единоверцев, помогали хлебом в голодные годы.

В то время как экономическое положение русских и карелов можно было считать одинаковым, в семейной жизни эти народы вели себя по-разному. Отношение к женщинам и детям



в русских семьях отличалось определенной долей деспотизма, а в карельских семьях можно было наблюдать элементы демократии и равноправия полов.

И. Чернякова, приводя свидетельства современников, справедливо обосновывает эту разницу в положении женщины промысловым характером жизни карельских деревень. Особенно это было характерно для Беломорской Карелии. Сама жизнь, в силу частого отсутствия мужчин, уходивших из родных деревень на заработки, нередко весьма продолжительные, диктовала женщинам значительно более активную жизненную позицию [48: 42].

Но учитывая, что беломорские и олонецкие карелы после раскола в большинстве своем стали старообрядцами и долго хранили старообрядческие традиции, скорее всего, вышеупомянутый факт был связан также и с влиянием старообрядчества.

Старообрядчество оказало сильнейшее влияние и на образование в Олонецкой губернии. Обучающие грамоте крестьянских детей «староверческие» «мастера» и «мастерицы» стали основоположниками народной школы. Таким образом, распространение грамотности напрямую зависело от распространения старообрядчества на обозначенной территории, и от настроений населения [26: 74].

Как подчеркивает И. Чернякова, другим важным аспектом влияния на местное население старообрядчества считается повсеместно распространённая чистоплотность, неоднократно отмечавшаяся современниками [48: 75]. Некоторые из них приписывали эту особенность традиции воспитания женщин «в поморских скитах», а также переносили на всех карельских крестьян еще одну значимую особенность, которая практически всегда являлась характеристикой именно старообрядческого карельского населения, — трезвость — указывая, что «олончане — народ трезвый, самый непьющий» [25: 19].

Начиная же с XVIII века начинается массированное наступление на старообрядчество, сопровождавшееся разрушением традиционного экономического и социального уклада жизни карельского традиционного общества. Правительство Николая I в 40-е гг. XIX века уничтожило крупнейший центр поморского старообрядчества. Произошедшая в конце XIX века ликвидация старообрядческих скитов, располагавшихся по реке Выгу, рядом с озерами Топозеро и Сегозеро, болезненно отразилась на экономической жизни населения ближайших к ним территорий и экономике региона в целом, поскольку «вся область от Белого моря до Онежского озера кормилась Выгорецкими общежительствами» [36: 44]. В период существования Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернаторства были предприняты «комплексные» меры против старообрядчества, самой известной из которых стало введение самостоятельной Олонецкой епархии в 1828 г., и начато «выведение» карельского языка из употребления [13: 102—110].

Вмешательство государства в религиозную жизнь традиционного общества было многогранным. К примеру, пенитенциарная практика была свойственна русским монастырям на протяжении практически всей истории православия на Руси. Церковная практика заключения, широко применявшаяся в Карелии, в XVIII веке была введена государством на законодательном уровне. К XIX веку система официальных наказаний в империи полностью включила в себя и монастырскую ссылку, усилив в ней карательную функцию. На Русском севере наиболее показателен пример Соловков.

Несмотря на то, что традиционно пенитенциарная монастырская практика все-таки была направлена прежде всего на вероотступников, в монастырской тюрьме оказывались и уголовные преступники, и политические, и религиозные узники, и политические ссыльные. Цепочка шагов для вынесения приговора о монастырской ссылке начиналась местным священ-



ником, а заканчивалась государем, таким образом, монастырская пенитенциарная практика в XIX веке практически полностью оказалась на службе у светской власти. Для контроля за исполнением наказания и присмотра за арестантами в обителях размещали целые солдатские команды. Как указывали современники, нередко были даже случаи «совращения» этих солдат идеями арестованных [36: 111].

Карелия как вариант имперского приграничья: «стратегическая колонизация»

Интерес к теме истории Карелии как приграничья не ослабевает. Одна из причин связана с желанием понять истоки разительного контраста жизненных стандартов населения Карелии и Финляндии [67: 145—159].

Как и в других северных имперских регионах, тип взаимоотношений центральных и местных органов в Карелии в имперский период можно назвать «деконцентрированным». Под «деконцентрацией» понимается широкое делегирование полномочий существовавшим с древности формам местного самоуправления, а ее необходимость на всех уровнях была следствием недостатка бюрократических средств государства на окраинах, отдаленности от центра, несовершенных средств коммуникации [39: 52]. Центральная власть была вынуждена делать ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти.

С одной стороны, в Олонецкой Карелии территориальная основа органов крестьянского самоуправления — сельская поземельная община, или православный приход, не соответствовала задачам интеграции и унификации имперского пространства регионов. Ей был присущ локализм — важнейшее качество крестьянского социума. Жесткая дифференциация на «своих» и «чужих» препятствовали проникновению новых веяний, установлению более широких социальных связей и отношений. Исследователями проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтническом приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века» продемонстрировано, что крестьянский мир Карелии, как и других северных регионов, ограничивался рамками небольшого однородного коллектива, для которого были характерны связи и властные отношения личного типа, усиливавшиеся за счет родственных отношений.

Исследователи колонизации других северных регионов отмечают, что в ходе ее процессов государство не только усиливало административно-полицейский и финансовый гнет, но и рационализировало систему хозяйствования, повышая уровень образования, модернизировало систему управления, а традиционное крестьянское общество со своими институтами играло роль «скрепки» имперского пространства, наполняясь при этом новым содержанием, стирая в этом проекте черты традиционности [39: 54].

Карелия в различных ее исторических административно-правовых формах являет собой типичный пример имперской периферии. В результате геополитических соображений имперского центра, по мнению исследователей, произошла диффузия внутренней и внешней политики. На протяжении всего периода истории Карелии соображения международной политики доминировали над соображениями экономики. Геополитика определила всю специфику истории края, а также в значительной мере и судьбу его коренного населения.

На протяжении веков основной целью имперского центра в отношении Карелии была защита границы и обеспечение, а также усиление лояльности населения. Именно поэтому представленные в данной статье сюжеты могут быть интегрированы в рамках общей концепции «стратегической колонизации».



Тем не менее, традиционное общество в Карелии, понимаемое в первую очередь как крестьянство однородных и смешанных этнических категорий, очень долго сохраняло свою уникальную этническую идентичность. В многочисленных исследованиях этнографов и историков подчеркивается, что карельская культура никогда не теряла своих самобытных корней [35]. Специфической чертой была и стабильность, несмотря на приграничное расположение и полиэтничность региона: он не стал оплотом нелегальной активности.

В то же время, на протяжении всей истории Карелии войны России со Швецией, как и российская государственная политика, оказывали огромное влияние на миграционные процессы в регионе и его этнический и социальный облик [47: 89—126]. Конечной целью имперской колонизации ради защиты границы была гомогенизация приграничного имперского этнополитического пространства. Несмотря на то, что в Российской империи в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность, веками постепенно происходило замещение карелов русскими [31].

В течение долгого времени традиционное сельское общество сталкивалось с вызовами извне: многочисленными приграничными войнами и модернизационной, вступавшей в противоречие с локальными традициями и устоями, силой государства. В первую очередь это были вмешательства в административные, экономические и социальные устои общества, в виде военно-мобилизационных, экономических, и культурных мер, некоторые из которых были рассмотрены в данной статье. Начиная с насильственного внедрения института пашенных солдат, сопровождавшегося призывами мужского населения на военную службу, и потерями в многочисленных войнах со Швецией, до отбирания у крестьян культивировавшихся в течение столетий подсеков, преследования и последующего искоренения старообрядчества, извне многократно ломались сложившиеся в крестьянском сообществе традиции жизнеобеспечения и поддержания социальной стабильности.

Масштабная «государственная колонизация» края усилилась период Олонецкого наместничества (1784—1796): создание губернских учреждений хозяйственно-экономического блока, а именно, казенной палаты, казначейства, приказа общественного призрения. Инкорпорированные в административную структуру традиционные институты самоуправления фактически сохраняли лишь форму, в действительности выполняя совершенно иные функции. Основной из них стало обеспечение и контроль за исполнением населением новых, все увеличивавшихся обязанностей в пользу государства.

В конце XVIII — первой половине XIX века органы мирского общинного самоуправления были формально сохранены, но права их оказались урезанными. Во главе общины по-прежнему стоял староста, который, наряду с другими выборными должностями, все так же избирался на сходах. Одной из главных задач сельской администрации стало принуждение крестьян к выполнению заводских и других повинностей, и чисто полицейские обязанности — задержание беглых и беспаспортных.

В ее же обязанности входило производить первый разбор крестьянских тяжб о земельных участках и по всем мелким преступлениям. Содержание сельской администрации лежало на самих крестьянах. Раскладка и сбор податей формально находились в ведении сельского мира, но фактически этим тоже занималась заводская администрация. Судебные функции перешли в руки правительства, за крестьянскими мирами осталась только полицейско-фискальная функция контроля за сбором налогов [45].

Таким образом, постепенно расширяясь, имперское пространство трансформировало традиционное общество, разрывая локализм и замкнутость, заменяя горизонтальные связи на



вертикальные. При этом, хотя государство и использовало насильственные методы интеграции, оно сопровождало их символическими, ментальными практиками, зачастую генерировавшими новые элиты, и позволявшими привыкать и власти, и самому обществу к новым отношениям. Это отчетливо проявилось и в микроисторических исследованиях Е. Сусловой и Д. Брусницыной, к примеру, изученных ими попытках иностранных офицеров, прибывших на службу в Карелию, в ходе внедрения института пашенных солдат приспособиться, приблизиться к местной жизни посредством смены религии и установления доверительных, неформальных отношений с местными священниками. Это же подтвердила и И. Чернякова, проанализировав противоречивую, зачастую непоследовательную политику государства и чиновничества в области постепенной ликвидации подсечного земледелия и отдельных местных промыслов.

Кроме того, размывание общинных устоев, веками складывавшихся практик проходило и опосредованно, без прямого вмешательства государства, но на фоне связанных с его колонизационной политикой перемен. И. Чернякова отмечает, что к середине XIX века произошли заметные изменения в сфере брачного поведения не только мужской, но и в не меньшей степени женской части населения даже отдаленных карельских погостов, а также значительное снижение в них доли мужчин молодого возраста, связанное, скорее всего, с чрезвычайно активной вовлеченностью местного крестьянства в промыслы, торговлю и заработки на стороне [48: 53].

На фоне веками складывавшейся, изменчивой, приспособливавшейся к реакции местного населения государственной тактики, события и потрясения XX века, которые полностью перевернули уклад местной жизни, кажутся стремительными и эпохальными.

В нашем проекте особое внимание было уделено роли человеческого фактора при изучении внедрения тех или иных государственных инициатив в жизнь приграничного общества. Как было продемонстрировано В. Ефимовой, в случае Карелии порой уникальным образом намерения властей, вызванные геополитическими соображениями «стратегической» колонизации дополнялись небрежностью, безграмотностью, либо разгильдяйством чиновников, выстраивая общую тенденцию.

Полный демонтаж традиционного общества в Карелии был вызван в первую очередь потрясениями революции, гражданской войны, коллективизацией и репрессиями 1937 г., которые, по утверждению некоторых исследователей, практически уничтожили местное крестьянство. Одной из характерных черт этого процесса была низкая протестная активность традиционного общества. Их протест носил скрытый, ненасильственный характер, (вписываясь в теорию, выдвинутую Д. Скоттом) [72]. Открытым конфликтам население предпочитало бегство и молчаливый саботаж [4], или тактику «повседневного диссидентства».

Как уже упоминалось, национальная идентичность стала проектом лишь в начале XX века. Опять же, будучи выкованными в горниле революции и гражданской войны, национализм и коренная идентичность в приграничной Карелии не повлекли за собой масштабных конфликтов наподобие этнических чисток, которые, согласно ряду исследователей, сопровождают подобные процессы в регионах, где этнос оказался разделенным границей [71: 457—496].

Характерная черта традиционного крестьянского сообщества в Карелии — уникальная межконфессиональная и межэтническая терпимость. Важнейший фактор, оказавший влияние на менталитет крестьянства региона — факт, что оно было свободным. В регионе не было крепостного права, но был так называемый «оттенок северности», определенный дух свободы и независимости, отсутствовавший в центральных районах страны. Влияние же старообряд-



ческих общин многократно усиливало эту черту общественного характера. В отличие от старообрядчества Сибири, находившегося в состоянии практически полного отшельничества и лишенного культурных и экономических связей с коренным населением региона, старообрядцы в Карелии были неотъемлемой частью местной экономической, культурной и социальной жизни, формируя нередко элиты локальных сообществ.

Один из самых важных вопросов, стоящих перед исследователями — причины общей толерантности традиционного общества в Карелии и присущей ему внутренней стабильности. Представляется, что ответ на этот вопрос частично лежит в плоскости экологической истории, в частности, влияния психоэмоциональных особенностей населения, связанных с климатическими особенностями региона, на конструирование коллективной идентичности меняющихся социальных групп в ее динамике. С другой стороны, из архивных исследований сельской общины уже с XVII века очевидно, что на уровне локальных, индивидуальных конфликтов между местными жителями и представителями государственной власти, особенно иностранцами, кипели нешуточные страсти.

В связи с этим представляется, что крайне необходимы социально-культурные и социально-психологические исследования приграничного социума в исторической и сравнительной перспективе, в духе тем, намеченных Р. Магоши [74: 452]. В то время как вышеупомянутый автор сам признает импрессионистский характер своего исследования, с некоторыми выводами которого можно поспорить (в частности, теория «tomato and grape line» не выдерживает проверки применительно к истории региона Северной Евразии, где употребление «тяжелого алкоголя» и холодный климат на протяжении веков сочетались с редкостной политической и социальной стабильностью), само по себе направление исследования является чрезвычайно продуктивным.

Для дальнейших исследований непосредственно социума в Карелии имеет значение и адаптация концепций легальности, неформальных и полуполюгальных социальных контактов методологии «серых зон» [64], и исследование проблем конструирования идентичности на фоне этнологических особенностей, выявленных при изучении определенной историко-культурной-зоны [32: 5—14], и направление исследований «политической экологии» региона и ее влияние на социальную организацию, социо-психологические черты проживающих в нем этносов [20], на фоне традиционного имперского подхода с акцентом на модернизирующей силе государства.

Постепенно к концу XIX в. на землях традиционного расселения православных карелов появилось большое число финнов-лютеран [30: 93]. Необходимо проследить, как постоянные миграции населения (вызванные войнами переселения финнов-лютеран из внутренних районов Финляндии) приводили к изменению этнического и конфессионального состава населения.

В настоящее время имеется довольно много исследований мультикультурных регионов евразийского приграничья с длительной социальной и политической стабильностью в приграничном городе и регионе. Традиционное общество, будь то сельское общество Галиции и Буковины, приграничья Австрийской империи, или Латвии, было далеко от проблем национализма и национальной идентичности. К огорчению национальных элит, как правило, его представители мирно сосуществовали в рамках нескольких языков и религий. Хотя и были социальные конфликты, они не были связаны с этническими проблемами [74: 133].

Некоторые исследователи традиционного общества приграничных имперских территорий утверждают, что именно массовая бедность изолировала основную массу населения от современных политических идеологий, как в сельской Венгрии (графство Бихар). И национа-



листы «среднего класса» со своими пропагандистскими кампаниями, делавшими акцент на языковой принадлежности и национальных символах едва ли могли решить проблемы бедняков [74: 216].

То же самое имело место в Карпатах. Будучи религиозным, этнолингвистическим, и климатическим и культурным приграничьем, региону пришлось пережить инспирированные государством вспышки насилия. Тем не менее, как утверждают исследователи данного региона, он был удивительно свободным от этнического, религиозного, и социального насилия, в значительной части оттого, что из-за скудной почвы в регионе было очень слабо выражена этнически очерченная социально экономическая дифференциация, а также оттого, что этнические группы испытывали больше негативных чувств по отношению к государству, нежели друг к другу. В отличие от остальной Европы, где этнические группы дифференцировались по роли занятий и благосостоянию, население этого региона занималось сельскохозяйственными либо лесными работами [74: 458].

Даже в конце XIX — начале XX века — времени повсеместного распространения современной национальной идентичности, сельское население этого уникального культурного, мультиэтнического и мультилингвистического приграничья все еще обладало домодерновой локальной, даже племенной идентичностью. Зачастую сочетание различных культур приводило не к их столкновениям, а к «реконфигурации идентичности», порождая «смешанные идентичности» [74: 194].

С усиливающимся вмешательством государства в жизнь людей, и их участием в жизни государства, с введением новых прав и обязанностей домодерновые социальные иерархические структуры и корпоративные привилегии заменялись новыми концепциями гражданства [74: 105]. Необходимо изучать взаимоотношения индивид-государство как повседневную реальность в жизни людей. В уже имеющихся исследованиях, к примеру, заимствуются методологические разработки М. Фуко (дискурсивные проявления и выражения политической лояльности) и П. Бурдьё с его концепцией «хабитуса» как «системы длительных структурных тенденций, которые формируют социальную жизнь и воспроизводят различные алгоритмы в повседневной деятельности» [74: 106].

Помимо этого, возможно заимствование методов и перспектив из немецкой школы истории повседневности (Alltagsgeschichte). Однако, при этом необходимо проводить четкую границу между формами общинной, местной самоорганизации и государственным регулированием жизни людей.

Особенную важность приобретает и междисциплинарный подход к изучению исторического взаимодействия социума и природной среды на региональном уровне. Представляется, что будущие исследования должны быть в большей степени сконцентрированы на региональной экологической истории, в частности, на разнообразных аспектах специфики ретроспективно устанавливаемого уровня вмешательства человека в природу и на социальных аспектах этого многозначного процесса в приграничных регионах. Начало им также успешно положено в рамках нашего коллективного проекта, выполняемого как государственное задание в проектной части Министерства Образования и Науки РФ на 2014—2016 гг.



Литература:

1. Александров Р. О. Повседневная жизнь польских католических священников в олонекской ссылке (вторая половина XIX века) / Р. О. Александров // Научно — исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 67-й Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых: Научное электронное издание / Петрозаводский гос. ун-т. — 2015. — URL: <http://conf.petrus.ru/docs/conf2015.pdf>.
2. Брусницына Д. В. Население Олонекского уезда (1649—1666 гг.) : пашенные солдаты и «охудалые крестьяне». / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2014. — № 1 (11) . — URL: http://carelica.petrus.ru/2014/Brusnitsyna_A.pdf.
3. Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонекских полков пашенных солдат (1649—1666) / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — URL: http://carelica.petrus.ru/2013/Brusnitsyna_A.pdf.
4. Брусницына Д. В. Олонекские пашенные солдаты: к вопросу о формировании полков в 1649 г / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс]. — // CARELiCA: Научный электронный журнал. — № 2. — 2014 (12). — URL: http://carelica.petrus.ru/2014/Brusnitsyna_3.pdf.
5. Брусницына Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649—1666) : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Брусницына Д. В. — [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург, 2014. — URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2015/01/Brusnitsyna_Avtoreferat_for_site.pdf.
6. Брусницына Д. В. Переписные книги пашенных солдат, их родственников и охудалых крестьян Олонекского уезда И. С. Дивова (1657 г.) [Электронный ресурс] / Д. В. Брусницына, И. А. Чернякова, О. В. Черняков ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — [Петрозаводск], [2016]. — URL: http://carelica.petrus.ru/RESOURCE_D, свободный (29.08.2016)
7. Брусницына Д. В. Увечные и больные крестьяне Олонекского уезда (по переписным книгам И. С. Дивова 1657 г.) / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2015. — № 2 (14) . — URL: http://carelica.petrus.ru/2015/Brusnitsyna_2_14.pdf.
8. Витухновская М. А. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики / М. А. Витухновская // Ab Imperio. — 2003. — № 1. — С. 113—148.
9. Ермолаева О. Е. [Рецензия] / О. Е. Ермолаева // Ab Imperio. — 3/2015. — С. 317—330. — Рец. на кн.: Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands. Ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. Indiana University Press, 2013.
10. Ефимова В. В. «Война с советниками»: о конфликте олонекского губернатора П. А. Лачинова с губернским правлением (1820-е гг.) / В. В. Ефимова // Новый исторический вестник. — 2015. — № 44. — С. 10—30.
11. Ефимова В. В. «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. / В. В. Ефимова // Российская история . — 2015 . — №2 . — С. 30—38.
12. Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонекской губернии (1825—1830) / В. В. Ефимова // Гуманитарный вектор. — (Сер.: История, политология) . — Забайкальский гос. ун-т. (отправлено в журнал в декабре 2015 г.)
13. Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Клокачев и старообрядцы Олонекской губернии / В. В. Ефимова // Православие в Карелии. Материалы IV научной конф. 25—26 ноября 2015 г. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. — С. 102—110.
14. Ефимова В. В. Географический парадокс или кто, как и почему формировал в конце XVIII — первой половине XIX в. образ Олонекской губернии как отдаленной / В. В. Ефимова // Историческая география России : ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»). — Материалы V международной конференции по исторической географии. — 2015.



15. *Ефимова В. В.* Проект перенесения губернского правления из Петрозаводска в Вытегру / В. В. Ефимова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета (Сер.: Общественные и гуманитарные науки) . — 2014. — № 5 (142) . — С. 102—109.
16. *Ефимова В. В.* Роль архангельского генерал-губернатора А.Ф. Клокачева в решении вопроса мало-земелья олонецких казенных крестьян в начале 1820-х гг. // Сельская Россия: прошлое и настоящее / В. В. Ефимова // Материалы XIV Всероссийской научно-практ. конференции. — Москва, 18 — 19 декабря 2014 . — Москва, 2015. — С. 74—79.
17. *Ефимова В. В.* Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах) / В. В. Ефимова // Кенозерские чтения 2015. — «Заповедное Кенозерье: природа, культура, человек». — сб. материалов VII Всеросс. н.-пр. конф. Архангельск, 2016. — С. 72—82.
18. *Жуков А. Ю.* Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство (XIII-XVII вв.) / А. Ю. Жуков // Труды Карельского научного центра РАН. — № 2. — Петрозаводск, 2009.
19. *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород, 2003.
20. Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии» [Электронный ресурс] // Ab Imperio. — 2 (2014). — URL: <http://net.abimperio.net/node/3286>
21. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Кораблева Н. А., Макурова В. Г., Савватеева Ю. А., Шумилова М. И. — Петрозаводск : Периодика, 2001.
22. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. — Москва: Наука, 1990.
23. *Кликачева А. А.* Вильгельм Тизенгаузен и его описание Олонецкой губернии конца XVIII века как источник по экономической истории Карелии / А. А. Кликачева [Электронный ресурс] // Рябининские чтения — 2015 : Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 7—11 сентября 2015). — Петрозаводск, 2015. С. 56—58. URL: <http://kizhi.karelia.ru/media/library/files/1511/ryabinin2015-full-text.pdf>.
24. *Кузнецова Н. Ю.* Старообрядчество в творчестве правых народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина: автореф. дис. канд. ист. наук / Н. Ю. Кузнецова. — Петрозаводский гос. университет. — Петрозаводск, 2016.
25. *Кузнецова Н. Ю.* Старообрядчество Европейского Севера по материалам А. С. Пругавина: эволюция внутриконфессиональных границ / Н. Ю. Кузнецова. — // Исторический журнал: научные исследования. — 2015. — № 2. — С. 215—227.
26. *Кузнецова Н. Ю.* Образование в Олонецкой губернии: взгляд С. А. Приклонского (по материалам книги «Народная жизнь на Севере») / Н. Ю. Кузнецова // Педагогический Вестник Карелии. — 2016. — №1 (45). — С. 71—74.
27. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм / А. И. Миллер. — Москва: Новое литературное обозрение, 2013.
28. *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск, 1947.
29. *Мюллер Р. Б.* Лопские погосты / Р. Б. Мюллер // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков, Общие итоги развития Северо-Запада / рук. авт. кол-ва А. Л. Шапино. Ленинград: Наука, 1978. С. 80—86.
30. Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка : сб. научн. ст. / науч. ред. Шикалов Ю. Г., Кокконен Ю. — Joensuu ; Петрозаводск, 2011.
31. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск: Книжный дом, 2003. URL: <http://www.alleng.ru/d/phil/phil008.htm>
32. Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. Герда А. С. и Лебедева Г. С. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 5—14.
33. *Пашков А. М.* Карельские просветители и краеведы XIX — начала XX века / А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2010.



34. *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. / И. П. Покровская // Вопросы Истории Европейского Севера. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974.
35. Прибалтийско-финские народы России/ отв. ред. Е. И. Клементьев. — Москва: Наука, 2003.
36. *Ружинская И. Н.* Пенитенциарная практика в монастырях Русского Севера в последней трети XIX в.: по материалам А. С. Пругавина / И. Н. Ружинская, Н. Ю. Кузнецова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2015. — № 3. — Т. 4. — С. 107—112.
37. *Ружинская И. Н.* Старообрядчество в Олонецкой губернии в конце XVIII — первой пол. XIX в.: численность, расселение и состав. Дисс. к. и. н. / И. Н. Ружинская. — Петрозаводск, 2002.
38. *Рыжков А. С.* Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе (Карелия, вторая половина VII века) / А. С. Рыжков. — [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК (ISSN 1819-9399). — 2006. — № 1—2. — URL: http://illmik.petrus.ru/news/New_results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html.
39. *Суворова Н. Г.* Крестьянское самоуправление в колонизируемом пространстве Сибири / Н. Г. Суворова // Вестник Томского государственного Университета. — 2013. — № 5 (25). — С. 52—58.
40. *Суслова Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс]. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — URL: http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/Suslova_2.html.
41. *Суслова Е. Д.* «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении / Е. Д. Суслова [Электронный ресурс] // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — URL: [http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351 Суслова_НД_2015_12\(48\).pdf](http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351%20Суслова_НД_2015_12(48).pdf)
42. *Суслова Е. Д.* Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — № 2. — 2015 (14). — URL: http://carelica.petrus.ru/2015/Suslova_2_15.pdf
43. *Суслова Е. Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Евгения Дмитриевна Суслова ; Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург, 2014. — URL: <http://resources.krc.karelia.ru/library/doc/abstracts/suslova.pdf>.
44. *Суслова Е. Д.* Церковный староста в повседневной жизни карельского прихода в конце XVII — начале XVIII века / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2014. — № 1 (11). — URL: http://carelica.petrus.ru/2014/Suslova_2014s.pdf
45. Традиционная культура русских Заонежья: справочно-метод. пособие / ред. сост. Г. А. Михайловская. — [Электронный ресурс]. — Интернет-публикация kizhi.karelia.ru. — 2015. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-spravочно-metodicheskoe-posobie-dlya-eksku/741.html>
46. *Чернякова И. А.* Землепользование в Обонежской пятине: Заонежские погосты / И. А. Чернякова // Аграрная история Северо-Запада России XVII века: население, землевладение, землепользование / рук. авт. кол-ва А. Л. Шапиро. Ленинград: Наука, 1989. С. 140—150.
47. *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века / Ирина Чернякова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.
48. *Чернякова И. А.* Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории / И. А. Чернякова // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Juminkeko-saatio, Петрозавод. гос. ун-т [редкол.: А. П. Конкка, М. Ниёминен, В. П. Орфинский (отв. ред.), И. Е. Гришина (отв. секретарь)]. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 20—82. URL: http://illmik.petrus.ru/Alkonost/pdf_s/Pan19-82/Pan74-82r.pdf
49. *Чернякова И. А.* Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке / И. А. Чернякова. — [Электронный ресурс] // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). С. 70—81. — URL: http://carelica.petrus.ru/2013/Chernyakova_2.pdf



50. Чернякова И. А. Водлозерье — поселенческие ландшафты и социальный потенциал в свете историко-географических данных конца XVIII века // CARELiCA: Научный электронный журнал. № 1/ 2013 (10). С. 32—35. URL: http://carelica.petrus.ru/2013/Chernyakova_1.pdf
51. Чернякова И. А. Старые документы и современное сотрудничество в исследовании ранней истории окружающей среды в Карелии / И. А. Чернякова, О.-П. Тикканен, Р. Хейккиля [Электронный ресурс] // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований / 100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». — Материалы V международной конференции по исторической географии (18—21 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург) . — В 2 ч. — Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 61—65 . — URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24452052>
52. Чернякова И. А. Аннотированный отчет по годовому этапу научно-исследовательской работы №33.1162.2014/К в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности за 2015 год. Петрозаводский гос. университет / И. А. Чернякова. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.dropbox.com/home/Gos_Zadanie/OUTPUTS_2015?preview=Annotir_Otchet.pdf.
53. Чернякова И. А. (Не)известная старая карта как источник о состоянии российско-шведской границы в конце XVIII века / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сб. ст. V Киркенесского международного семинара историков / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозавод. гос. ун-т» [и др.] ; [редкол.: С. Г. Веригин, А. А. Комаров, Й. П. Нильсен, М. Н. Солейм, В. В. Тевлина]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 34—52.
54. Чернякова И. А. Полиэтничность и социальная стратификация в Карелии на рубеже XIX—XX столетий: источники информации/ И. А. Чернякова //Финно-угорская мозаика: сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. — STUDIA NORDIKA I / отв. ред. О.П. Илюха. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. — С. 314—324.
55. Baud M., van Schendel W. Toward a Comparative History of Borderlands // Journal of World History. 8 (2). 1997. Pp. 211-242.
56. Casula P. Russia's and Europe's Borderlands: Between Sovereign Intervention and Security Management // Problems of Post-Communism November 2014. Pp. 6—15.
57. Chernyakova I. Vanished villages — imprint of traditional agriculture in forest landscape of western White Sea Karelia / Tikkanen O.-P., Chernyakova I., Heikkila R. // Труды КарНЦ. No 6: Зеленый пояс Фенноскандии. 2014. С. 148—156. URL: <http://transactions.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=12321>
58. Chernyakova I. Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia / Olli-Pekka Tikkanen, Irina Chernyakova // Silva Fennica. 2014. Vol. 48. No. 4. Article ID 1207. URL: https://www.researchgate.net/publication/279079261_Past_human_population_history_affects_current_forest_landscape_structure_of_Vodlozero_National_Park_Northwest_Russia
59. Chernyakova I. Reflections of cultural history in the forest landscapes of Western White Sea Karelia / H. Holta, O.-P. Tikkanen, I. Chernyakova, R. Heikkila // Труды Государственного природного заповедника «Костомукшский». Вып. 1: 30-летние научные исследования в заповеднике «Костомукшский». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 183—186.
60. Conrad V. Conflating Imagination, Identity, and Affinity in the Social Construction of Borderlands Culture Between Canada and the United States // American Review of Canadian Studies. Vol. 42. Issue 4 (2012).
61. Ermolaeva O. E. The Gulag Microcosm: Life and Death at the White-Sea Baltic Combine of the NKVD, 1933—1941. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 2013.
62. Healey D. Lives in the Balance. Weak and Disabled Prisoners and the Biopolitics of the Gulag // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol 6. № 3 (2015). Pp. 527– 557.
63. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia. Left Coast Press, 2012.
64. Knudsen I., ed. Ethnographies of Grey Zones in Eastern Europe. Anthem Press, 2014.
65. McKinsey M., Konrad V. Borderlands Reflections. Toronto: University of Maine Press, 1991.
66. Nikich Y. Heikkila J., Khoroshilova A. Karelia. Kehrler Verlag Heidelberg, 2014;



67. *Pirkkoliisa A.* Miserable or Golden Karelia ? Interpreting a Cross-Border Excursion of Students from Finland to Russia // *Journal of Borderland Studies*. Vol. 26. Issue 2 (2011). Pp. 145– 159.
68. *Rieber A. J.* The Struggle for the European Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
69. Russian Karelia in Search of a New Role, ed. by Eskelinen H., Oksa J. Joensuu: Karelian Institute, University of Joensuu, 1994.
70. *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. University of California Press, 1989.
71. *Schrad M.* Rag doll Nations and the Politics of Differentiation on Arbitrary borders: Karelia and Moldova// *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 32. Issue 2, 2004. Pp. 457—496.
72. *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
73. *Scott J. W.* «Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions» // *European Planning Studies*. Vol. 21(1). 2013. Pp. 75-92.
74. Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands. Ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. Indiana University Press, 2013.
75. *Zayarnyuk A.* Framing the Ukrainian Peasantry in Habsburg Galicia, 1846—1914. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2013.

Oxana E. Ermolaeva

Petrozavodsk State University
Institute of History, Social and Political Sciences
Chair of Russian History
Senior Lecturer
PhD in History (European University in Budapest)

Cross-border society of a multi-ethnic empire in historical dynamics: Karelia in the 17th — early 20th centuries

Abstract. Upon discussing recent methodological trends and theories in Western studies of imperial borderlands, the article is devoted to the analysis of several themes from Karelian history, which have been explored in the course of the collective research project titled «Traditional Society as a Factor of Stability in a Multiethnic Borderland: The Case of Karelia, XVIIth — beginning of the XXth centuries». It focuses on the patterns of interaction between the «traditional» rural society of the borderland region of the Russian empire and the imperial power, and how it changed over time. Moreover, it outlines future perspectives for studies of the dynamics of interaction between the state colonizing power and the local borderland population. The author discusses the implementation of the institution of the pashennye soldiers in Karelia at the end of the XVIIth century and its influence on local life, the attempts of administrative regulation of peasant land use in the XVIII century and its consequences, and state interference into the economic, cultural, and religious life of the local



populace as well as certain stereotypes of the local bureaucracy. The author concludes, in the course of the centuries the chief target of the «strategic colonization» of Karelia was securing the Russian — Swedish border and maintaining and strengthening the loyalty of the Karelians towards the imperial centre. It resulted in a specific attitude towards Karelian populace. Local peasantry of Russian, Karelian, and mixed origins, Orthodox believers and Old Believers for ages managed to pertain its unique ethnic, cultural identity and stability, despite the borderland location and multiethnic character of the region. The author of the article explores factors that contributed to the creation of the specific local collective peasant identity.

Keywords: Imperial borderlands, Karelia, traditional rural society, collective project, modernization, state regulation, western methodology, historiography, peasant land use, Old Believers.